

ПРОЛОГ

Алла смотрела на отправленную эсэмэс. «Страшно». В айфоне сообщение выглядело так: слово в зелёном пузыре. Реплика из комикса. Эра упрощений.

На самом деле ей было не просто страшно: она испытывала тотальный, всепоглощающий ужас. Пальцы ходили ходуном, её бил крупный озноб. Всё вокруг было враждебно: двойные подбородки лестниц, сажа тёмных углов, рваные остатки штор. Открытые пасти беззубых окон.

Он ответил: «Я понимаю. Это сложно сделать. Но ты сможешь. Я восхищаюсь твоим мужеством».

Алла тихо завывала, прикрыв рот шарфом. Не отдавая себе отчёта, она притронулась к облезлой стене, поводила пальцами по вспухшим от влажности трещинам на краске. «Я не смогу», — написала она. Зелёный пузырь.

«Это единственный шанс пробудиться».

«И ты это знаешь».

Она постаралась успокоиться. Медленно кивнула в пустоту.

«Иди на балкон».

Балкон был рыхлый, как полуразрушенный зуб. Перил не было: только голая проволока, оставшаяся кое-где от балясин.

«Сними куртку».

Она дрожала. Она разделась. Ветер. Лоб и шея вспотели — холодно.

«Шагни».

Алла стояла. Внизу торчал какой-то мусор. Перед глазами всплыло лицо Егора. Если бы он что-то ей объяснил. Хотя бы гадостей наговорил. Всё равно что. Но он просто пропал. Сколько раз она прокручивала в голове их разговоры и встречи. Теперь в прошлом. Алла занесла ногу над бездной. Ужас. Её как будто пырнули ножом в грудь. Она поставила ногу обратно на край балкона. Она слишком слаба. Она никогда не сможет этого сделать.

Она поняла, что не прыгнет. Стало легче. Зброшенный дом перестал внушать страх. Она сделала шаг обратно, в комнату.

Балкон посыпался вниз, как труха. Каблук зацепился за кусок арматуры. Алла неуклюже вскинула руки и полетела вниз.

Надежда, что она потеряет сознание, пульсировала сквозь панику. Но она видела всё: мелькающие этажи, обветшалые балконы — она вытягивала руки, пыталась уцепиться за торчавшие выступы. Она не могла дышать. Она была ещё жива, но знала, что земля уже близко.

Пробудись!

ГЛАВА 1

Расшифровка переговоров между объектом 1 и объектом 3 от 02.09 (второе записывающее устройство):

(посторонние шумы: заведённый двигатель автомобиля. Предположительно: гараж или парковка)

Объект 3: Здравствуйте, Геннадий Николаевич! Ну что, поручение выполнил.

Объект 1: Знаю, доложили уже. Что так грязно сработал в этот раз?

Объект 3: Грязно? Как понимать? Не наследил вроде. Через проводку сделал, как всегда.

Объект 1: Слышишь, ты мне дурочку-то не валяй! На месте пожара нашли труп.

Объект 3: Что <нрзб> откуда? Там никого не могло быть!

Объект 1: Сжѐг и не заметил?

Объект 3: Но я проверял. <нрзб> Ничего не понимаю!

Объект 1: Думай, кто?

Объект 3: А что, не опознали?

Объект 1: Не зли меня. Сторож?

Объект 3: Сторожа нет, только сигнализация. Там ночью чисто всегда. Я был уверен, что никого.

Объект 1: Проверял, говоришь?! Твой объект, а ты даже не в курсе, кто на нём, откуда, почему в назначенный день! Что вообще за хрень! Короче, убираешь за собой. Дочиста, чтобы без палева, ясно?

Объект 3: Фотографа оставляем в разработке?

Объект 1: Зубы мне не заговаривай. Фотографа ведёшь по графику, как заказывали. Труп — твои проблемы. Иначе ...
(обрыв записи)

* * *

— Они наметили очередную жертву! — сказал Олег с порога.

— Привет.

Инга прошла за ним на кухню. Олег по-хозяйски распахнул посудный шкаф, достал кружку в горошек и наполнил её доверху холодной водой из-под крана. Инга закрыла дверцу: рыжей птицей пролетело по стеклу её отражение.

— Какой дом на этот раз? — Она скрестила руки на груди.

— Под номером три в Поздняковском переулке, 1783 года постройки. Реконструкцию проведут с особой жестокостью, рожки да ножки останутся. — Олег залпом выпил воду. — Денег отмоют! И снова — ты не поверишь — «Деловой центр будущего» в центре деловых событий! А первым владельцем здания, между прочим, был обер-гофмаршал Григорий Орлов.

— Тот самый? Фаворит Екатерины?

— Нет, тёзка, но из того же рода. Палаты царского любовника, помнится, уже сломали.

— Зато теперь там ресторан «Манон», — подразнила его Инга, — можно отобедать с имперским шиком.

— Ага. И описать золочённому унитазу все стразы.

— Какая гадость!

— И это говорит бывший редактор журнала «QQ», который рекламировал его на первых полосах!

— ...что я слышу от бывшего глянцевого фотографа, который эту рекламу снимал! — засмеялась Инга. В отражении снова мелькнул её веснушчатый профиль — Олег убрал кружку в шкаф.

— Это не тот ли дом, в котором во время войны 1812 года был крепостной театр?

— Он самый! Только прикинь: генерал Поздняков воюет на передовой против француза, а в это время в его театр ходит сам Наполеон — на представления французской труппы. А когда последний бежит из столицы с остатками войска, у Позднякова снова дают спектакли — теперь уже в пользу пострадавшего русского населения. Каково, а?

— С ума сойти!

— Ладно, оставим будуарные тайны и наше славное прошлое, — сказал Штейн. Они синхронно сели: друг против друга. — Белова, инфу пора вешать в блог. Схема есть, список зданий внушительнее некуда. Этот гад Жербаткин у нас на крючке. После «Дела коллекционера» тебя читает пол-Москвы. Взорвём инет — спасём домишки! Он сядет у нас лет на шесть, а без него осыпятся мошеннические схемки в труху.

Инга внимательно посмотрела на Олега. Он был похож на Ван Гога: осунувшееся землистое лицо, взъерошенные пряди, неровный абрис бороды — только волосы чёрные, с проседью. А глаза горят пронзительным синим светом, как две газовые конфорки.

— Рано. Насчёт «сядет лет на шесть» — я не уверена. Надо Архарову звякнуть, он полисмен, должен такое знать лучше нас с тобой. Реконструкция исторических памятников — всё-таки тема скользкая. Опять мы влезли... не умереть бы странной смертью после публикации.

— Сядет-сядет, ещё как сядет. — Штейн проигнорировал пассаж про скользкую тему. — Послушай, я что нарыл про этот номер три в Поздняковском: жербаткинские бандюганы жильцов-то всех выселили — кого пряником, кого кнутом, а вот хозяин пирожковой на цокольном этаже оказался крепким орешком. Так они ему — поджог. Рабочая версия — неисправная проводка.

— Ну да, классическая схема.

— Слушай дальше! Кафешка догорела, а там — труп! Кто, что, откуда там человек ночью оказался — неизвестно. Сгорел так — одни зубы остались. Пока не опознан. То, что это дело рук молодчиков Жербаткина, я не сомневаюсь. Правда, позвони Архарову, пусть покопают. И пойдёт он не только за здания, но и за непредумышленное.

Шум воды за стеной затих, дверь в ванную распахнулась, выпуская лавандовый пар. Они замолчали. Четырнадцатилетняя Катя, румяная, с припухшими красными глазами, прошла мимо них к холодильнику.

— Ты до сих пор торчала под душем?

— Вот скажи, Олег, — девочка повернулась к Штейну, — если бы у тебя был, например, сын, ты бы отпустил его с друзьями на квест?

— Стоп, не на квест, где организаторы и безопасное помещение, а на какую-то «Территорию Икс» с гонками по шоссе, лазаньем по заброшенным домам, да ещё ночью, — холодно возразила Инга. — И мы же договаривались — не грузи Олега!

— Мам! — протянула Катя с угрозой.

— Если бы был сын... — Штейн сглотнул, осёкся, схватился за край стола, как будто боялся упасть. Потом сказал твёрдо: — Я бы никогда не отпустил.

Олег помрачнел. Он встал, казалось, вспомнил что-то и хотел сказать, но передумал.

— Может, пока кофе? — Инга отвела назад руки, разминая затёкшую спину.

— Давай лучше вискаря. Я машину оставляю у тебя во дворе. Такси вызову. Меня что-то разморило. Сил нет.

Инга поставила перед ним бокал:

— Вискарь ты в прошлый раз прикончил. Осталось красненькое.

— Ну, красненькое так красненькое, — покорно согласился Олег. — Надо бы завтра навестить этого хозяина пирожковой. Кислятина, — сморщился он, глотнув, —

Гурген Айвазович Микаэлян, глянь досъё в моем ноуте. Я тебе технику тоже оставлю, ладно? Вдруг писать себе рѣшься.

— Ну вот съездим к Гургену твоему и напишу. У меня нет ощущения, что я вижу полную картину, понимаешь?

Штейн кивнул. Коротко булькнул телефон — пришло сообщение от диспетчера такси.

— Завтра часиков в десять заеду за тобой и разом захвачу всё. Смотри не проспай! И не ссорьтесь, девочки. — Олег рассеянно посмотрел сначала на Катю, потом на Ингу.

— Спокойной ночи, — Инга пошла проводить его до двери, — отдохни. А то у тебя видок замученный.

— Просканировала меня в своём цветовизоре? Хорошо всё-таки иметь друга с синтезией — ничего не скроешь. Тебе надо вести экстрасенсорный блог: «увиджу цвета ваших слов и эмоций и направлю на путь истинный» — популярнее исследований бы было. Деньги бы гребла!

— С синестезией¹, — поправила Инга. — Но тут она и вовсе не нужна: у тебя фингалы под глазами на поллица.

— На себя посмотри, — ухмыльнулся Штейн, — краше на паспорт выходят!

Инга высунулась в проём входной двери, поймала руку Олега, потянула его к себе и чмокнула в щеку.

— Через порог же нельзя, — пробурчал Штейн. — Плохая примета.

— Да брось! — улыбнулась Инга.

¹ Синестезия — неврологический феномен, при котором раздражение в одной сенсорной или когнитивной системе ведёт к автоматическому, произвольному отклику в другой сенсорной системе. Люди, которые сообщают о подобном опыте, называются синестетами. Один из самых распространённых видов синестезии — графемо-цветовая. Такие люди видят слова, буквы, фразы цветными.

Она проснулась к полудню с цветной головной болью. Сердце шумно билось в горле. Инга приняла душ, выпила эспрессо, но вязкий шлейф красок не давал ей сосредоточиться: привычные бытовые предметы, окружавшие её, сегодня были окрашены в красный с вкраплением серого — *тревога, беспокойство, ощущение надвигающейся беды.*

Синестезия, которая обнаружилась у неё в тринадцать лет, была и даром, и проклятием одновременно. Инга видела слова, которые произносили люди, в цвете — это помогало в расследованиях, да и в личной жизни тоже — своим красочным восприятием она чувствовала ложь, страх, неуверенность, грусть. С возрастом она научилась анализировать то, что говорят другие, раскладывать фразы не только по цветам, но и по тональности, глубине эмоции. Но иногда её «цветовизор», как шутил Штейн, будто ломался — в разные цвета окрашивались вещи, деревья, весь окружающий мир, это сопровождалось головной болью, от обилия ярких красок вокруг тошнило. Такие моменты были невыносимыми.

— Вот ведь, старею, — сказала она вслух. — Раньше ночь отработала — утром как новенькая.

Она пыталась вспомнить, слышала ли звонок Штейна сквозь сон. Вроде бы никто не приезжал, на телефоне только один пропущенный вызов — мама. Набрала Штейна — не ответил. Металлический айфон сейчас был окрашен в яркий, насыщенный, слепящий глаза чёрный цвет.

— Ну вот! Проспал! Теперь его не добудиться. Придётся самой за ним ехать.

Инга позвонила их общей домработнице — Люсе Балясиной, или проще — баб-Люсе, как они со Штейном окрестили её:

— Привет! Олег вчера оставил у меня аппаратуру и ключи от машины, а сам проспал. Трубку не берёт. Ну

как всегда! В общем, давай я у тебя ключи от студии возьму и поеду растолкаю его, у нас сегодня работа.

На улице было ещё по-летнему тепло и скворчали птицы, но знакомая осенняя печаль уже закралась в воздух, неотвратимая и ноющая, как мигрень перед бурей. Она села в машину Олега и поехала к баб-Люсе. Та увязалась с ней.

— А заодно и приберу там, чем завтра на метро добираться, — пропыхтела она, устраиваясь на переднем сиденье. Инга приготовилась выслушивать порцию «малявки», но баб-Люся была не в духе.

— Опять с невесткой бывшей поругались?

— Ох, — она махнула рукой, — и не говори.

Инге показалось, что Балясиной захотелось погрызть семечек, как курильщику для излияний непременно требуется затануться. Баб-Люся ещё повздыхала немного и начала нудную, почти бессвязную жалобу. Инга пожалела, что спросила. Как назло, дорога была напряжённая. В Чертаново Инга свернула уже абсолютно одуревшая от Люсиной плакальной песни.

Они проехали мимо пруда, вокруг которого, как детские кубики, были натканы магазины и кафе. Ключья желтизны торчали в тёмной листве редких деревьев. Инга вспомнила, как они гуляли тут с Олегом лет двадцать назад. Свободные, неженатые. Их тянуло друг к другу, и всё было просто — купить вина, подняться в только что полученную мастерскую (своя хата, интересный фотохудожник, балагур, симпатяга). Вино, кажется, они уже купили. Дети на другом берегу кормили уток. Инга смотрела на отражение веток в пруду и вдруг с криком рванулась от воды — там был утопленник. «Криминальный труп», — сказала бы она сейчас бесстрастно, но тогда это был ужас, истерика и дурной знак. Вызвали полицию, которая тогда ещё называлась милицией, долго и муторно что-то им объясняли, подписывали протокол. В мастерскую они не поднялись. Напрасно Олег успокаивал её, дул в ухо и шептал глупости

всю обратную дорогу на метро, ничего больше не отзывалось в ней. С тех самых пор навсегда отмерло.

Парковка была занята. Инга проклинала повороты и изгибы распластавшегося каракатицей дома.

— Всё не как у людей, — ругалась она, вырुливая на узкой дороге между машинами и бордюром.

На всякий случай они позвонили в домофон — может, уже встал. Не дождавшись ответа, баб-Люся приложила свой магнитный ключ. Они поднялись на самый верх. Люся повозилась с дверным замком:

— Вечно заедает!

Наконец они вошли. Сперва Инга, потом, еле вытащив зажёванный ключ, баб-Люся.

Посреди мастерской висела какая-то громоздкая чёрная тень.

— Господи! — зашептала Инга. — Господи! Господи!

Грудную клетку сдавило. Она зажмурилась и снова открыла глаза. Это был Олег. Он висел на верёвке, закреплённой на крюке. Инга побежала к нему. Споткнулась о валявшуюся под телом стремянку. Упала, поднялась и задела головой его холодные окоченевшие ступни. Что-то капнуло на неё сверху. Инга посмотрела наверх. Наконец прорезался крик.

Тёмно-синее лицо. Восковая капля застыла на носу. Из рта торчало черное и сухое — застрявшая корка хлеба? Язык. Голова словно криво и наспех пришита к соломенному пугалу с длинными деревянными руками и ногами.

— Давай вместе его снимем! — Она трясла баб-Люсю за плечо. Балясина выла и крутила головой. — Слышишь! Надо реанимацию! Понимаешь? Первая помощь! Где нож? Верёвку разрезать!

Инга вытащила мобильный. Трясущиеся пальцы не сразу набрали код разблокировки.

— Чёрт! Чёрт! Алле, «скорая»! — Она едва справлялась с голосом. — Попытка самоубийства! Мужчина,

сорок пять лет. Пишите адрес. Фамилия Штейн! Господи! Быстрее, пожалуйста! Олег... А-а... Мать вашу! Аркадьевич! Нет, не таблетки! Не вены! Повесился! Да. Да! Как поздно? Нет! Вы должны! Не поздно! Говорят, поздно — оставьте так до приезда полиции. Как это — так?

Она выбежала из мастерской, спустилась на этаж ниже и стала кричать и звонить соседям:

— Помогите! Помогите! — Потом спохватилась и завопила: — Пожар! Пожар!

Высунулись несколько лиц.

— Пойдёмте, пожалуйста, наверх! — кинулась она к ближайшей приоткрывшейся двери. — Помочь надо!

Лица заворчали:

— Больная, что ли?

— Чего тут орёшь? Ноль один звони!

— Что за хулиганство!

Двери захлопнулись. Она снова поднялась к мастерским. На площадку вышел художник Трофимыч — андеграундная звезда восьмидесятых, как всегда с похмелья.

— Инга! Что стряслось-то? — прошамкал он беззубым ртом.

— Трофимыч! — Она вцепилась в его рубашку. — Помогите! Там Олег!

Он вошёл в мастерскую, увидел тело и ругнулся.

— Давай его снимем! — умоляла Инга.

— Поздно.

— Не поздно! Трофимыч, пожалуйста!

Он покачал головой, взял Ингу за руку и вывел на лестничную площадку:

— До приезда полиции трогать не будем. Ты полицию-то вызывала?

— Только «скорую». Кажется, они сказали — сами вызовут.

— Я позвоню ещё раз.

— Ты что-нибудь понимаешь? Он вчера был у меня! Мы только вчера говорили!